

Сколько зарабатывает, может и должно зарабатывать российское образование

Юрий КРУПНОВ, председатель Образовательного общества, председатель общественного объединения «Партия России»

На официальном сайте Государственного секретариата администрации США (т.е. аналога нашего МИДа) <http://exchanges.state.gov/iew/>, в разделе «Обмены в гуманитарной сфере» есть информация: «Зарубежные студенты ежегодно вносят в экономику США вклад в размере 11 миллиардов долларов».

Вот одно из многих доказательств того, что образование в условиях мощной, развитой государственности является важнейшим «работником» и «кормильцем» страны.

Это доказательство, разумеется, не является единственным и даже самым показательным. Во всём мире сегодня невиданными темпами развиваются направления опережающего инвестирования в детство и, прежде всего, в образование и здоровье. Особенно интересно такая работа ведётся в Америке и в Канаде, и нам не грех многому у них поучиться. За последние годы в различных странах появилось много исследований по этой проблеме. Так, например, у нобелевского лауреата Амитаи Этциони есть исследование того, какой огромный экономический вклад в общественное развитие вносит умная родительская забота о детях, и что в системе базовых отраслей экономики следует выделять «Родительскую промышленность или индустрию».

Серьёзные работы в области общественного эффекта и экономики образования велись в СССР в 30–50-е гг.

В 70-е годы в различных документах обсуждались даже примерные цифры, отражающие прямое влияние качественного образования на производительность труда: начальное образование повышает её на 50%, среднее — на 110%, высшее — на 315%. Разумеется, к этим цифрам много вопросов было и тогда, и сейчас. Например, в связи с упрощённо марксистскими подходами профессиональное образование рассматривается как более важное, чем начальное, и т.п. Но такая связь, вне всяких сомнений, есть, и сегодня здесь как никогда требуются целенаправленные исследования.

Понимание того, какой реальный вклад может приносить образование и что на самом деле есть экономика образования, сложилось у меня во время командировки в далёкую Малайзию осенью 1997 года. Всё лето этого года было потрачено тогда мною на участие в тяжёлых идейных боях, против активных попыток свести «реформирование» российского образования, к тотальной его коммерциализации и в конечном счёте — к примитивизации.

Как-то вечером, проглядывая ворох малазийских газет, я вдруг натолкнулся на подробную рекламу «сверхэффективной системы австралийского начального обучения в области математики». Она один к одному отражала идеи развивающего обучения «по Давыдову-Эльконину». Отдельная тема о том, насколько точно воспроизведён подход развивающего обучения. Стало очевидно, что в Австралии нашлись люди, которые продают по миру русскую дидактику!

Достаточно детально ознакомившись за последние годы с современным образованием в разных странах, я теперь знаю, какое огромное значение приобрела сфера образования во всём мире. Австралийцы, например, являются сегодня одними из самых динамичных, трудолюбивых и успешных на мировом рынке образовательных услуг.

Высочайший статус сферы образования в мире напрямую ведёт к тому, что, с одной стороны, политики и население рассматривают образование ключевой производительной силой общества — производственной, а не затратной сферой, и с другой — образование вовлекает очень серьёзные финансовые средства, является конкурентоспособным с точки зрения зарплат, социальных гарантий, престижа в сравнении с другими сферами деятельности (разве что кроме коммерции и то — только по доходам). Образование превращается

сегодня в базу новой экономики и в важнейшую политико-дипломатическую силу.

Вы не задумывались над тем, почему, как пишут в аналитическом обзоре «Где любят учиться студенты из России», Германия и Франция по-прежнему привлекают своим бесплатным образованием (http://www.gazeta.ru/2001/04/11/edu_stat.shtml)? Бесплатным не только для своих студентов, но и для студентов из других стран. О, несчастные, нерыночные, видно, страны типа Франции, ещё не знающие последних открытий наших туземных «рыночных реформаторов»! Более того, «в этом году в России будет проводиться большая кампания по продвижению французского образования на российском рынке...». Т.е. бесплатного образования...

В интервью «Комсомольской правде» «Русских студентов в Париже должно быть столько, сколько китайских» посол Франции в России Клод Бланшмезон агитирует нашу молодёжь учиться за границей (14.06.01). Корреспондент газеты спрашивает посла: «Конечно, вы хотите содрать с них побольше денег за учёбу...».

Посол: «Да у нас образование, даже высшее, бесплатное! Бюджет образовательной системы Франции — четверть всего бюджета государства! Так что студенты — и наши, и иностранные — не платят за учёбу! ... У нас нет системы тестирования школьных выпускников, как в США. Как правило, выпускники наших школ — а они у нас получают степень бакалавра — просто подают в университет пакет своих документов, и приёмная комиссия их зачисляет».

Российский корреспондент всё-таки хочет вывести истинный смысл инвестирования Французским государством (и налогоплательщиками) огромных средств в чужих молодых людей: «Наверное, лучшим студентам вы будете предлагать оставаться во Франции?»... «Утечкой мозгов» занимаются американцы, — обиделся дипломат. — После учёбы у нас остаётся лишь малая часть выпускников-приезжих. Мы ни в коем случае не хотим за счёт талантливых людей из других стран подпитывать свой экономический рост. Я надеюсь, что большинство студентов вернутся в Россию. С вашей страной сейчас сотрудничает много французских фирм, и им нужны молодые толковые кадры».

А вот ещё интересное сообщение: группа компаний, первых в списке 500 лучших мировых корпораций, или, как их ещё называют, «тяжеловесы Уолл-Стрит» (General Electric, Coca-Cola, Citibank и др.), создала мощный фонд модернизации содержания образования во ... Вьетнаме («Learning about pragmatism» — *Asian Business*, October, 1997). Это-то им зачем? Для рекламы своих корпораций, для повышения эффективности содержания образования, для подтягивания образования Вьетнама до мировых стандартов. А главное, если относиться непредвзято — к возвращению в страну, война с которой была проиграна в 70-е годы, через образование.

Что же мы видим в России на фоне австралийцев, американцев, французов, которые давно уже превратили своё образование в средство национального развития и собственной экспансии в мире, в форпост национальной торговли и экономического развития?

Мы видим, что руководители российского образования в последние десять лет не просто ничего не делали в этом направлении, не просто бездельничали, и высокотворчески разваливая и уничтожая множество хороших элементов советского образования (например, обязательность десятилетки и учебно-производственных комбинатов). Наши образовательные чиновники вдобавок к своей бездеятельности ещё и назанимали (и продолжают занимать!) миллиарды долларов так называемых образовательных займов, возвращать которые предстоит очень долго нашим детям и внукам.

Казалось бы, будь хоть немного профессионализма и разума у министров последних десяти лет, они бы, к примеру, по образцу австралийцев взяли бы систему Давыдова-Эльконина и другие эффективные технологии и, обобщив огромный опыт работы школ и множества учителей по первым версиям этой системы, довели её до нового ядра содержания российского образования. Да ещё стали бы вместо австралийцев торговать этой системой за рубежом. За десять лет это вполне можно было бы сделать.

Можно ли всерьёз относиться сегодня к рассуждениям высших чиновников и обслуживающих их учёных об экономике образования? Они же все до сих пор, к несчастью, занимаются не экономикой как работой с воспроизводством и повышением стоимости российского образования, зарабатыванием на образовании по образцу австралийцев и французов, а исключительно финансированием **как распределением бюджетных и заёмных денег внутри ведомства.**

Отсюда следует несколько важных выводов.

Во-первых, оказывается, что все представления о «непроизводительности» образования, подход к нему как к «непроизводительной» и «затратной» сфере в начале XXI века безнадежно устарели, требуют коренного пересмотра. Образование в наши дни — не «нагрузка» на бюджет страны и не головная боль правительства, думающего, как бы выплатить унизительные учительские зарплаты. Ровно наоборот: **при правильной организации дела — это базовая отрасль экономики страны, прямой донор бюджета и основа национального развития.**

Во-вторых, получается, что для России экономика образования сегодня крайне **необходима.** А она — ключевая для развития образования и самой страны наука и практика — совершенно отсутствует. Есть огромное количество людей с дипломами «экономистов», со степенями «экономических наук», но самой экономики образования в стране, к несчастью, нет.

Наши горе-экономисты всю свою энергию и убогие, надо признать, знания тратят не на повышение качества и «производительности» образования в России, а на сомнительные антиэкономические, чисто фискальные меры: коренную реорганизацию сферы в целях легализации («вывода из тени») 1 миллиарда долларов, которые якобы обращаются в «теневой» экономике (репетиторство, взятки при поступлении в вузы и пр.) и на замену государственного финансирования образования (т.е. «бесплатного» образования) на финансирование из кармана семьи (т.е. на «платное»). В итоге основные усилия «экономистов» на деле направляются на «раскулачивание» образования, а не на его сохранение и развитие.

Что же выходит? Только одно международное образование в США (а оно не включает ещё прямой экспорт образования и образовательных услуг) приносит ежегодный доход, который в 11 раз превышает ту сумму, во имя «легализации» которой наши реформаторы от экономики и от образования навязали стране так называемую модернизацию (в виде ЕГЭ, ГИФО, компетенций и пр.).

Более того, сама эта вредная и, как минимум, халатная деятельность ещё и сытно финансируется из бюджета страны и из займов (в первую очередь, Всемирного банка) — т.е. является не только пустой и непроизводительной, но и многократно затратной. Столь затратной, что не только нашим детям, но и внукам, как я уже говорил, хватит на долги.

Тревожнее всего, что эта разрушительная деятельность «экономистов» стала составной частью политики Правительства РФ. Министерство экономического развития и торговли во главе с Германом Грефом является здесь застрельщиком и лидером. При этом глава ведомства и его замы, теснейшим образом — вплоть до семейных — связанные с Высшей школой экономики, совершенно не понимая современного образования и тенденций его развития в мире, по-большевистски коммерциализируют образование (т.е. делают его одной из разновидностей «бизнеса» типа торговли на базаре) и уничтожают все условия для его хозяйственной самостоятельности и состоятельности.

За последние два года из-за экономических «реформ» (особенно «реформ» налоговых) для образования в ситуации насквозь коммерциализированного социума фактически не осталось возможностей получать доход и реинвестировать его в самовоспроизводство и развитие. А ведь это разрешается Законом РФ «Об образовании»!

Вот как описывает ситуацию заместитель председателя думского комитета по образованию и науке Олег Смолин: «Почему не прошла поправка о том, что нельзя облагать налогами прибыль, получаемую школами, ПТУ и другими образовательными учреждениями? Нынешний Налоговый кодекс устанавливает одну и ту же процентную шкалу на-

лога всем — от уборщицы до олигархов. И школа должна платить такой же налог, как водочная компания, больница — как табачная фабрика, Большой театр — как «Газпром» и т.д. **Школе — никакой пощады.** Убедить депутатов в том, что это неправильно, не удалось. Вот результаты голосования по сохранению льгот по налогу на прибыль: хорошо голосовали коммунисты, «Яблоко», Агропромышленная группа, более или менее прилично — группа «Российские регионы». Все остальные фракции — удручающе: СПС, например, дала только один голос, ЛДПР — как всегда, ноль, а «Единство» — как всегда, отрицательный результат. Следовательно, депутаты согласны, что если дети в ПТУ произвели своими руками какую-то продукцию, продали её и захотели полученную прибыль потратить на закупку какого-то оборудования, им сначала придётся уплатить с этой суммы 24 процента налога» («Знания приравняли к водке», «Известия», 22.03.02).

Министерство рапортует о всё новых и новых успехах, а между тем, школа наша хиреет, слабеет день ото дня. В связи с введением новых Бюджетного и Налогового кодексов ухудшилась экономическая ситуация. Школа лишается последней экономической самостоятельности. Перевод счетов школы в казначейство привёл к тому, что сегодня деньги можно потратить только адресно: выделили на мел — покупай мел. Кроме того, введение единого социального налога, ликвидация льгот сделали абсолютно невыгодной помощь школе со стороны спонсоров и благотворителей. Получилось, что бюджетные деньги стало труднее эффективно использовать, а внебюджетный фактор стал фактически нулевым. Очевидно, что экономика образования всерьёз не модернизируется. Не заработал и Указ Президента от 29 декабря 2001 г., который предписывал улучшение финансового обеспечения школы: нет правового механизма направления субвенций из регионов в муниципалитеты. И т.п. и т.д.

Как только учреждение, региональная или муниципальная системы образования отказываются быть несостоятельными, восстают против медленного умирания или позорного прозябания, так тут же дееспособная образовательная общность становится предметом «раскулачивания», поборов и прямого нападения со стороны госаппарата.

Все знают об этом — но более подробно можно ознакомиться с этим государственным рэкетом на примерах Санкт-Петербургского колледжа туризма (см. в этом выпуске «Народного образования» статью директора этого колледжа); или замечательной сельской школы Белгородской области с годовой прибылью в 1 млн. рублей (см. статью в «НО», 2001, № 10).

Если школа проявила хозяйственную сметку и состоятельность как общность, желающая достойно жить в недостойных условиях, — то это стремление школы, труд коллектива попросту сводятся на нет, ни во что не ценятся.

Издавательской является и политика по отношению к негосударственному образованию, когда задачи со стороны государства ставятся перед этим сектором государственные (требуется качественное образование, аккредитация и лицензирование и пр.), когда сами школы целенаправленно решают чисто государственные задачи (создавая условия для образования высокого качества и реально выигрывая конкуренцию у зарубежных школ), а отношение государства к ним такое же, как к торговым фирмам.

Вот из таких обстоятельств и возникает проблема современной экономики образования.

Какова структура современной экономики российского образования

Нобелевский лауреат Жорес Иванович Алфёров в одном из своих выступлений с горечью сказал, что Россия сегодня превратилась не только в сырьевой, но и в образовательный придаток. Он прав. **Инерция советского образования и текущие государственные и частные вложения в российское образование в своей самой дорогой и ценной части являются прямыми инвестициями в западную экономику, в воспроизводство и развитие зарубежных стран.**

Это понимают все — и нобелевский лауреат Алфёров, и умная студентка Лада, которая на одном из интернет-форумов (<http://www.5ballov.ru/news/newslines/index.shtml?2002/10/02/19343>) высказала 2 октября 2002 года такую мысль: «Ребята, ваши преподаватели занимаются меценатством в пользу государства и вас, преподавая за такие деньги, эквивалентные вашей стипендии, если иметь в виду их квалификацию. Это тоже смешная подачка, и работа за эти деньги — меценатство. Но, запомните — в пользу России, и только! А не в пользу тех стран, куда вы хотите уехать».

А вузовский преподаватель **Московского государственного университета** на этом же форуме ей вторит: «Лада, как «препод» полностью с Вами согласен — мне совсем не нравится «на общественных началах» готовить кадры для США».

Что же получается?

Российская Федерация своей убогой экономикой через школы и вузы инвестирует в развитые капиталистические страны. Весь мир зарабатывает огромные деньги на импорте студентов (для них это экспорт образования — вспомните про 11 млрд. долларов дохода в США) и на импорте подготовленных кадров высокой квалификации («утечка мозгов»). Не забывайте также, что есть ещё не менее 20 тыс. детей российской элиты (скорее всего, и больше), которых заботливые родители отправляют тратить российские деньги за рубеж, в тамошние национальные и международные школы (в Англию, Швейцарию, США и т.д.).

Не стоит забывать и про многочисленные иностранные займы (прежде всего, по линии Всемирного банка), которые, по публичному свидетельству главного организатора заимствования в долг на образование и социальную сферу, президента Высшей школы экономики А. Шохина, до 2/3 уходят на оплату самой же дающей в долг стороны (её консультантов, советников и пр.). А остатки, добавлю я, в основном уходят на обеспечение синекуры многочисленной армии туземных паразитов, вывозящих за рубеж капитал из сферы образования.

Наши эмигранты, устраивающиеся в «цивилизованном мире» работать таксистами, посудомойками и прачками обоюбого пола, — тоже разворовывание державы, утечка если и не «мозгов», то квалификации. Процветание США (или другой западной страны) в огромной мере зависит от того, кто у них занят в сфере труда низкой квалификации: советский доктор наук или местный необразованный тип, которому больше некуда пойти. Эмиграция из России за последнее десятилетие составила не менее 5 млн., как правило, хорошо образованных человек. Это столько, сколько сфера образования России готовит за 10–15 лет. Высокотехнологичный комплекс науки-промышленности-образования такой страны, как Израиль, как минимум, наполовину — результат «образовательного подарка» со стороны СССР-России и конверсии, заваленной при этом в нашей стране.

Антигосударственное финансирование чужой экономики, ежедневно совершаемый выбор в пользу кармана «развитого западного человека», а не в пользу российского учителя, — всё это у нас не только не замечается, но и всеми «реформами-модернизациями» закрепляется.

Чего не понимают или не хотят понимать «модернизаторы»? То, что **основой любой экономики образования и эффективного управления им является курс на мировой уровень собственного образования и на организацию оптимальной структуры образования как системы нескольких разных укладов и секторов**. Иначе тебя будут безжалостно превращать в придаток, методично эксплуатировать, выжимать все оставшиеся соки.

Экономика образования складывается из опережающего развития укладов завтрашнего дня, из воспроизводства базовых укладов и из правильного использования и «захоронения» укладов устаревших. Экономика российского образования, с точки зрения его востребованности и эффективности, складывается из пяти укладов или секторов:

1. Реализация за рубежом ценности образования, превращение его из скрытого сокровища (напомню: так называется известный доклад Жака Аттали — «Образование —

скрытое сокровище») в прямой капитал.

2. Экономическое образование, когда отлично образованные выпускники вузов и техникумов идут в «рыночный сектор» — в целом примитивный по профессионально-квалификационным требованиям к труду — и переносят своё творчество во внутрудовую сферу (потребление, игры и пр.).

3. Импорт зарубежного образования — прямой увод российских денег в зарубежные школы и вузы.

4. Воспроизводство и развитие отечественной высокотехнологичной промышленности и перспективной науки.

5. Массовое образование для социализации «неперспективной» в целом молодёжи и лёгкой управляемости социума (то, чем раньше занимались ПТУ, «ремеслухи»).

Что же получается сегодня?

«Сливки» собственного образования снимает не Россия, а вот «пахта» достаётся ей. Неудивительно, что наши «реформаторы» и «модернизаторы» в основном тем и занимаются, что создают условия для 1–3-го распухших «секторов» антироссийского образования, всеми путями уничтожая промышленно-производительный 4-й сектор и увлечённо реформируя и модернизируя с утра до вечера сектор 5-й (образование «неперспективной» молодёжи), поскольку там результаты этих чрезвычайно выгодных для реформаторов и затратных для страны упражнений невозможно проверить. Этот 5-й сектор, 5-й элемент — гигантский по размеру и, что называется, по определению нерформируемый за несколько лет.

Конечная задача наших «реформаторов» — довести остатки советского образования для большинства российских детей (70–80 %) до одной большой «ремеслухи», в которой они будут овладевать усиленно пропагандируемые сегодня «компетенциями» — в основном, законопослушности, чтобы, того гляди, не бузили. Из 5-го сектора в основном — прямая дорога на низкоквалифицированную подработку, наём в гастарбайтеры (апельсины, к примеру, убирать в Испании. Для этого и в самом деле нужны лишь начатки английского языка, а русская литература — ненужная обуза). Или в Чечню — контрактником...

Что производит образование?

Государство сегодня не занимается самым главным — организацией прямой связи, сращивания лучшего образования с лучшей промышленностью (включая сельское хозяйство, разумеется), лучшей наукой и лучшей армией. Только вокруг этой тетрады: образование — наука — промышленность — армия и может складываться перспективная государственная политика.

Только на основе стратегических и капитальных вложений государства в опережающее согласованное развитие образования-промышленности-науки-армии становится возможным самой стране извлекать и присваивать реальную стоимость образования (а не быть «образовательным придатком»), иметь показатель эффективности управления образованием и осмысленности и результативности любых преобразований в этой сфере.

Ничего этого сегодня нет. Госаппарат в области образования занимается двумя вещами: «распиливанием» госбюджета для наиболее эффективного, с точки зрения своекорыстных задач, потребления собранных в казну средств и сверхактивной имитацией деятельности. Другими словами, сегодняшней госаппарат производит чрезвычайно затратный и сверхдорогой для страны и для будущего наших детей, но чрезвычайно выгодный ему самому фиктивно-демонстративный продукт (ФЭДЭПЭ). Когда выдающийся советский методолог и философ Г.П. Щедровицкий вводил для обозначения симуляционной активности советских партработников и чиновников этот термин — «ФЭДЭПЭ», то он, скорее всего, не предполагал, что это советское ФЭДЭПЭ в купе с западным PR (пи-аром) в «реформируемой» России станет основной и почти единственной отраслью промышленности. Для госаппарата, который нацелен на производство ФЭДЭПЭ, 4-й образовательный

сектор — фундаментального воспроизводства и развития — попросту не нужен. Основное внимание затрачивается на первые три уклада (трата денег нашей «элиты») и на 5-й уклад — чтобы социализировать «париев», «неперспективных» якобы от рождения детей (для них бывший замминистра образования уже запустил в СМИ нужное словечко — «быдл-класс»).

На производство чего усиленно направляют «реформаторы-модернизаторы» наше образование?

Благодаря Елене Ленской, бывшему заместителю министра образования, а ныне заместителю директора Британского совета, мы теперь чётко можем понять, в какую сторону «разгружают» школу и, главное, российских детей и чем их «загружают». Разгрузка будет происходить от знаний и прочих рудиментов советской школы, которая, как любят повторять «модернизаторы», «неадекватна современным реалиям». Загружать же детей будут компетенциями.

Компетенции, как утверждает высококомпетентный человек Е. Ленская, являются тем, «что наши дети должны уметь в масштабном смысле слова... Во всём мире обсуждается некий набор компетенций, который должен быть абсолютно у всех людей, если они хотят успешно устроиться на работу. И главное — быть успешными в будущем» (Елена Ленская: «В нашей школе недоучивают «под ключ», «Известия. Наука», 27 сентября 2002 г.).

Что же это за чудесные такие компетенции, что представляют собой, помимо наукообразной «воды»?

Е. Ленская разъясняет: «Пример такой жизненной задачи — это, в частности, умение заполнить налоговую декларацию». Тут я, откровенно говоря, напрягся, поскольку мне ни разу не удалось этого сделать, и я каждый раз прошу коллег или сотрудников налоговой службы помочь мне.

Следующий пример, приведённый местным представителем развитой западной цивилизации, поставил меня в тупик окончательно: «Ещё это умение искать и находить информацию, в том числе с помощью информационных технологий».

С неизбывной тоской я осознал, что за поисковой машиной в моём компьютере, способной в несколько секунд «обозреть» миллионы страниц информации и найти нужные документы, факты, сведения, т.е. эту самую информацию, мне не угнаться никогда. И эта компетенция не про меня.

Третий живописный пример Елены Ленской уже ничего не добавлял к выявленной на двух предыдущих полной моей некомпетентности и дисквалификации: «Например, что ты делаешь, если человека ударило электрическим током. Тут нужно мобилизовать знания из физики, медицины, ОБЖ... Так, решая простые житейские задачи, можно попытаться выяснить, насколько хорошо школа готовит к жизни».

Упускается только один нюанс: к какой именно «жизни» собираются готовить наших детей? К жизни компетентного дебила или грамотного, хорошо образованного человека?

Исаак Фрумин, доктор педагогических наук, советник Всемирного банка реконструкции и развития (благодетеля и деньгодателя) по вопросам образования, прямо утверждает, что «компетентностный подход является разрушением традиционной педагогической культуры» (именно так официально назывался его доклад на апрельской конференции в Красноярске — <http://conf.krasu.ru>). В устах Фрумина — это не плохо и не опасно. Разрушение и ликвидация школы — огромное благо, по Фрумину. Впрочем, в одной из статей в «НО» (2002, № 8) я достаточно подробно описал ликвидационную логику, которая выражает дух и устремления наших «реформаторов-модернизаторов».

Так или иначе, но ясно одно: в настоящее время в России, используя все административные, финансовые, медиа и иные рычаги, сплочённая (достаточно небольшая) группа проталкивает **компетенции как главный продукт, который должно производить российское образование.**

При этом не чураются и откровенной подмены смысла и идей реальных проектов об-

новления содержания образования с «прихватизацией» чужих терминов и намерений. Так, уже упоминавшаяся апрельская конференция в Красноярске по теме «Педагогика развития: ключевые компетентности и их становление», по утверждению Исаака Давидовича Фрумина, является «первой по этой проблематике» и «остаётся единственным до сих пор местом, где вот так систематически в течение трёх дней разворачивается серьёзный аналитический педагогический дискурс», через идеологию «педагогике развития». Эту конференцию напрямую объявили якобы продолжением работы в области развивающего образования нашего выдающегося учёного и практика В.В. Давыдова.

А идею метапредметов образования ученика В.В. Давыдова Ю.В. Громыко И.Д. Фрумин так же аккуратно и без лишнего упоминания смысла и ситуации метапредметности «вставил» в чуждый метапознанию «компетентностный подход» в виде «надпредметности»: «Компетентностный подход представляет из себя (стиль автора сохранён. — Ю.К.) неоднородное движение, центральным в котором я вижу идею формирования ключевых универсальных надпредметных компетентностей, которые, прежде всего, характерны для управленческой деятельности».

Эта неоднородность «компетентностного подхода» понятна. Одно дело — массовая школа, а другое — школа для элиты. Там, в этих «зонах» для наследников победителей 90-х годов прошлого века, вне всяких сомнений, с неоднородностью компетенций правильно и быстро разберутся.

А вот другой идеолог компетенций как главного «продукта» российского образования — советник министра образования Российской Федерации. Слушать его — одно удовольствие. Поделюсь им с читателями: «Вы на 100% правы, что на Западе учат применять знания, а у нас — зубрить информацию. Но тот объём программ, который достался нам с последних 10-летий... не позволяет, как правило, заниматься практической отработкой изучаемых понятий. Ибо их слишком много, много больше, чем в Финляндии или Канаде, Бразилии или Австралии и т.д. А потому учителя вынуждены «гнать материал», чтобы успеть его «пройти»... («Наш человек в минобре» — 5баллов.ру, РБК, 08/07/2002 — http://www.5ballov.ru/news/edu_rus/index.shtml?2002/07/01/17888).

Позиция понятна: нам надо максимально разгрузить «объём программ». Если это сделаем, то тогда Россия уж точно станет Канадой или Бразилией, а дети за 11 лет общеобразовательной школы научатся, в отличие от несчастных выпускников 70-х годов, заполнять налоговую декларацию. Знания не нужны тем, кому прямая дорога на «рынок труда» — на западную шоколадную фабрику или в рыбозаготовительный цех (если повезёт) или хотя бы на рынок (колхозный).

Министр образования В.М. Филиппов как-то в одном из своих интервью раскритиковал увлечение российских подростков экономикой и правом: «Все профессии важны. Но всё зависит от того, как строится государственная политика. Например, в 60-х годах был расцвет науки, и все хотели быть физиками-ядерщиками. В результате получили перепроизводство физиков. Пришли 70-е годы. Наступил научно-технический прогресс. Все говорили, что нам нужны инженеры. Появились самые мощные политехнические институты. Притчей во языцех стали инженеры со 120-рублевой зарплатой. Сейчас мода на экономистов и юристов. «Экономисты будут работать, а юристы их судить». Нас ждёт колоссальное перепроизводство рабочей силы в этих сферах. Этого не должно быть. Я считаю, что надо думать не о том, что модно, а о том, что будет нужно через десять лет. Надо понимать, что материальное производство первично, и поэтому надо получить профессию, связанную с материальным производством» («Лучше тратить деньги государства на образование, чем на СИЗО». «Век», № 40 (405), 6 октября 2000 г.).

Если мы позволим «модернизировать» российскую школу в одну большую «ремеслуху» для якобы умственно отсталых, которым уготовано жить в «материальном производстве», то надо навсегда свыкнуться с нищенскими зарплатами педагогов, офицеров, высококвалифицированных промышленных рабочих и настоящих учёных. Обслуживание «ремеслухи», а также примитивной промышленности, «дедовщинской» армии, «науки», пи-

таемых выпускниками этой всероссийской «ремеслухи», стоит гроши. А одарённых детей, которые сами по себе будут вырастать и в банановой РФ, мы подарим развитому западному миру, вместе с нашими молодыми девушками, льном, «пенькой» и прочим отечественным «сырьём».

Вот ещё одно характерное признание «реформатора»: «Лично я сделал бы реформу школы ... много более резкой и определённой... Но, вы видите, народ в целом резко протестует по сути против реальных изменений (разве что кроме «проекта» всем повысить зарплату до шведского уровня)».

Эта небрежная «хохмочка» про «зарплату шведского уровня» в ситуации, когда российский учитель уже пятнадцать лет унижен безденежьем (я знаю учителя в Москве, — заслуженного учителя РФ! — который боится ездить в центр столицы, чтобы не получать тамошним витринным великолепием окончательного удара по сознанию, полного унижения и приговора своей «несостоятельности»), говорит о реформаторах больше всего. Это полная девальвация российского образования, уничтожение его экономического смысла и эффективности. Это ставка на консервацию зарплаты до вечно «африканского уровня».

К сожалению, подобные советники с подобными идеями подставляют и Президента Российской Федерации.

Стали, например, финалисты говорить про малокомплектные школы — Президент привёл слова одного из губернаторов: «Мне легче собрать учеников всех малокомплектных школ, находящихся в моём регионе, и отправить их учиться в Лондон». Экономически выгоднее закрывать школы, где всего несколько учеников» («УГ», 2000, 8 окт.).

Если проанализировать все высказывания В.В. Путина о школе, то они прочно связаны с идеей о том, что «образование должно быть экономным». Откуда у первого руководителя государства такие представления о «корнях зла»? О том, что экономически выгодно не открывать новые школы и сохранять существующие, а закрывать малые сельские школы? Вспоминаю горькую статью Евгения Соловьёва в «Независимой газете» «Школ станет меньше, а автобусов — больше...», которая заканчивается так: «Парадокс, но водитель «школьного автобуса» будет зарабатывать больше директора сельской школы...»)? (2001, 01.09.) Откуда эти ноу-хау?

От наших «модернизаторов-реформаторов». Добиваясь компетенций, они целенаправленно ведут школу к кардинальной ликвидации «перегрузки», идут на откровенный подлог (никто ни разу нигде не доказал, что ухудшение здоровья школьников вызвано перегрузкой, иначе придётся утверждать, что по-африкански ранняя смертность мужчин в России связана с их излишествами при чтении учебников).

После разгрузок и реструктуризаций экономика образования в России будет? Не будет ни экономики, ни образования. А в целом — экономики страны и вождя экономического роста (тем более, как просил весной Президент, «амбициозного экономического роста»).

А что будет? Недоросли в 2 метра роста да ещё вымирающие без школ российские сёла и зарастающие бурьяном поля.

Разве это должно производить российское образование?

Что такое современная экономика

Что такое экономика, тем более современная? По-моему, наилучшее определение экономики сформулировал в одной из своих статей обозреватель «Нью-Йорк Таймс» Томас Фридман: «создание нового национального богатства».

Отсюда экономика — методология и технология наиболее рациональной и эффективной организации общественного воспроизводства и развития за счёт производства подлинных стоимостей, дающих реальный вес на мировой арене и накапливаемых в форме общественного богатства.

Чтобы всерьёз разрабатывать российскую экономику образования, нам необходимо прежде всего избавиться от примитивных представлений в экономике, от любой попытки

неоправданно переносить её законы экономики на всё общество или любую сферу — тем более, такую сверхсложную систему деятельности, как образование.

Несмотря на всё разнообразие предложенных за последние полтора века экономических подходов и систем, основа массового экономического мышления осталась неизменной: это — стоимость, которая не различена с ценой и с ценностями, не привязана напрямую к деятельности, труду, услугам и товарам, не дифференцируется в разные типы и системы. И с этой точки зрения все экономисты находятся всецело в рамках марксистского мышления. Преодоление стоимостной экономики, создание экономик социальной сферы, здравоохранения и образования идёт по нескольким направлениям. Во-первых, уже сами экономисты выделяют принципиально разные типы стоимости и определяющие их разные экономики. Распространённой стала категория «отрицательной стоимости», которой оценивают легальные бизнесы, имеющие антиобщественный смысл. Речь идёт об игорном бизнесе, полупорнографических видах развлечений, о большинстве законных и чрезвычайно массовых развлечений, включая все виды поп-культуры («попсы»). По отношению к этим «производствам» у многих нормальных экономистов возникает законный вопрос: а можно ли производимый доход и прибыль, именно этот профит, считать приращением к общественному богатству и, соответственно, стоимостью как ценностью?

Точно так же обсуждаются различного рода спекулятивные финансовые операции и трансакции. Даже главный спекулянт, финансовый алхимик Дж. Сорос последние годы неустанно критикует эту «экономику», предлагает вводить на неё специальный дополнительный налог.

Одновременно с выделением отрицательной, негативной или «минусовой» стоимости многие отмечают и необходимость дифференциации стоимостей, введение, помимо категории обычной стоимости или стоимости первого порядка, описывающей процессы традиционного производства, категорий стоимостей второго и третьего порядка, определяющих процессы воспроизводства и развития.

В современных развитых обществах образование становится основой экономики страны, поскольку организует самую «дорогую» стоимость — воспроизводства качества жизни, уровня развития армии, науки, промышленности.

То, что образование — бюджетобразующая отрасль, вовсе не означает, что оно является коммерческой сферой. Это то, что наши провинциальные, неграмотные, а нередко попросту наглые «экономисты» не понимают. Убогость их мышления в том, что они патологически не в состоянии различить и по-разному описывать принципиально разные сферы — образования и коммерции. Они не понимают ни разных типов стоимости, ни разных источников и механизмов создания стоимости и общественного богатства.

Что же они понимают, спросите? То же, что и Леонид Ильич: «экономика должна быть экономной». Стало быть, если нельзя сделать Чубайса (с его РАО «ЕЭС») или торговцев на рынках экономными, значит, надо экономить на образовании и перспективности детства.

Впрочем, как только дело касается самих «экономистов», их мозги быстро вправляются. Так, Высшая школа экономики с удовольствием сочетает коммерческую деятельность и даже деятельность по социальной коррупции (этот «государственный университет» тщательным образом отслеживает подрастающих чад региональных и федеральных высших чиновников и ненавязчиво предлагает им на льготной основе свои услуги, зная, что потом благодарные родители с лихвой рассчитаются за сегодняшние льготы для их детей) с выкачиванием гигантских прямых и косвенных средств из государственного бюджета.

Три подхода к экономике образования

В российской сфере образования трудятся сегодня около 40 млн. человек, т.е. почти третья часть населения Российской Федерации. Даже по этому показателю образование является стронообразующей или государствообразующей сферой, ядром национальной

безопасности и национального развития.

Экономика любой сферы — основа её наиболее рациональной и эффективной организации, её общественного воспроизводства и развития, выражение статуса, дееспособности и жизнеспособности сферы. На практике известны и требуют обязательного использования и согласования три подхода к созданию экономики, в данном случае сферы образования.

1. Статусный, определяющий долю сферы в потреблении общественного богатства в сопоставлении с другими сферами.

2. Стоимостный, выражаемый в абсолютных произведённых ценностях и определяемый по системе соотношения доходов и затрат.

3. Стратегический, определяющий прямые эффекты, воздействуя на другие сферы, которые образуют каркас государственности: промышленность-наука-армия-самообразование.

Каждому из этих подходов соответствует свой тип вложений финансовых средств.

Первый — это распределение национального богатства. Здесь не грех применять все методы законодательно разрешённого «давления» — забастовки, общественные акции, подача исков в суды и т.д. Цели примерно понятны: резкое повышение содержания школьников и студентов (повышение стипендий в несколько раз), заработная плата работников образования на уровне средней в промышленности).

Второй подход требует подсчёта с позиции капитальных вложений и инвестирования в образование с демонстрацией возвратности вкладываемых средств во времени. **Это сейчас должно стать приоритетным направлением в области экономики образования.**

Экономика образования призвана определять в отношении к совокупной стоимости общественного развития производимую сферой образования стоимость (долю общественного богатства), выражать её в абсолютных и относительных ценовых показателях и предлагать механизмы ресурсного обеспечения производства (реализации) этой стоимости. Производством стоимости сферы образования и его вкладом в общественное богатство страны экономика образования принципиально отличается от экономики вспомоществования и социальной защиты «непроизводственной сферы». Разумеется, появление экономики образования требует преодоления марксистского менталитета, суть которого выражена в классическом «бытие определяет сознание» и в хрущёвско-брежневском — приоритет производства перед непроизводственными сферами».

Третий подход — описание сферы образования как инфраструктуры и связи системы развития промышленности-армии-науки. Здесь потребует привлечь лидеров развития этих трёх сфер и создать своего рода образовательно-промышленно-научно-оборонную комиссию развития страны. Без этого путь у нас один — в Центральную Африку.

Эти три подхода необходимо связать идеей не только приоритетности, но и **автономии российского образования**, т.е. предоставления образованию полной экономической и хозяйственной свободы, предоставление в собственность земли, помещений, издательств и полиграфических комбинатов и других промышленных и торговых систем. Ключевым принципом экономики образования должно стать простое правило: всё, что вкладывается и инвестируется в образование, — во благо нашим детям и России.

Разработки в области экономики образования невозможны без решения общего вопроса: для чего стране образование и что требует общество и государство от образования, какой «продукт».

Моя позиция здесь однозначна: только образование мирового уровня, более того, лучшее в мире образование позволит России в ближайшее десятилетие восстановить себя в качестве мировой державы и вернуть мирным путём утраченное достоинство, поднять качество жизни. Россия не настолько богата, чтобы покупать дешёвые вещи. С этой позиции следует признать чрезвычайную дешёвость компетентного подхода и публично отказаться от него и от любых заигрываний с «разгрузками» и прочей подобной активностью.

Образование производит поколение

Экономика образования начинается с того, что страна и сфера образования определяют, что именно они будут производить: за три тысячи рублей — работа со всеми животными желаниями? Или за тридцать, примерно, тысяч, но человека с пониманием?

Экономика образования определяется главным «продуктом» сферы образования. **Национальное образование производит дееспособное поколение**, т.е. **одновозрастные когорты, которые имеют свою ясную гражданскую, социальную миссию**, в состоянии собственным трудом прокормить себя, своих отцов и дедов, то поколение, которое сумеет восстановить Россию как мировую державу, воспроизведёт и нарастит общее качество жизни, бездарно утерянное за прошедшие пятнадцать лет.

Колониальное образование производит серую массу, у которой достаточно сформированы компетенции не лезть не в свои дела, быть социализированными и законопослушно жить так, как пришлось. А путь будут указывать те, которые каким-то образом окажутся в прослойке от 5 до 15 % населения страны, незачуханной, развитой, интегрированной в развитое мировое сообщество.

Экономика национального образования требует в несколько раз увеличения доли финансирования: с 3–3,5 от ВВП как сегодня (хотя нередко вбрасываются завышенные цифры в 5–6 %) до 10–15 %; средней по промышленности зарплаты (увеличение её также в несколько раз), введения полной экономической автономии школы при резком возрастании поддержки, защиты и финансирования со стороны государства. Экономика колониального образования вполне обойдётся и сегодняшними цифрами, а автономию предоставит в том смысле, что окончательно перестанет интересоваться тем, как именно идут дела в школах страны.

Если мы хотим спасти российское образование и страну, нам сегодня необходима партия российского образования мирового уровня и качества, которая будет исходить не из приспособления образования, населения и наших детей — наших будущих поколений — к экономике, к результату десятилетнего вредительства «реформаторов-модернизаторов» всех мастей, а из необходимости опережающего развития российского образования как основы и экономического роста и формирования дееспособных поколений XXI века; из необходимости долгосрочного — не менее чем на 25 лет! — формирования нового поколения — планирования и капитальных вложений.

Только из таких опережающих вложений берутся мировые державы, Юрии Гагарины и достойная жизнь. Только из реального роста вложений в образование и человека в 50-е годы возникли 60-е годы российского триумфа и общего подъёма жизни.

На протяжении 50-х годов «продолжалось интенсивное наращивание вложений в развитие образования, здравоохранения и науку, которое приняло огромные размеры уже в довоенный период. Лучшее всего его масштабы характеризует увеличение расходов на эти цели из государственного бюджета, которые ввиду незначительного роста цен практически совпадали с реальными вложениями в эти отрасли. Так, расходы бюджета на просвещение выросли с 5,7 миллиарда рублей в 1950-м до 10,3 миллиарда в 1960 году; на нужды здравоохранения и физической культуры — с 2,1 миллиарда рублей в 1950-м до 4,8 миллиарда, то есть по обеим отраслям в 2–2,5 раза. По доле расходов на образование, здравоохранение и науку в ВВП в этот период СССР, как известно, занимал одно из самых высоких мест в мире. (Григорий Хазин. «Десятилетие триумфа советской экономики. Годы пятидесятые» — <http://saint-juste.narod.ru/hanin.htm>)

Материальной основой формирования нового дееспособного российского поколения и должна стать экономика образования.